

**О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ
АБДУЛЛАХА-ХАДЖИ ИЗ УРАХИ
(1867–1912 гг.)**

Прежде чем говорить о каком-либо поэте или ученом, оценивать его творческую и иную деятельность, мировоззрение и поступки, мы должны учитывать, когда и в какое время он жил и творил; нам необходимо иметь сведения об образе жизни и деятельности его современников, их морально-этических и духовных ценностях, обычаях и традициях; нам следует также учитывать тот вклад, какой внес он для их развития и упрочнения; мы обязаны внимательно и детально ознакомиться с его жизнью и творческим наследием, определить отношение его современников к нему, как к личности. Только после тщательного изучения жизненного пути и творчества поэта или ученого, на наш взгляд, можно судить о его мировоззрении, морально-этических идеалах, поступках и общественной деятельности. Если же мы будем оценивать его поступки и деятельность, судя только по меркам и рецептам меняющегося идеологического и политического климата общества, и по современной шкале ценностей и потребностей, то это, независимо от того, хотим мы этого или нет, приведет к явному искажению и фальсификации исторической действительности, и объективной реальности.

Как свидетельствуют сохранившиеся до наших дней старописьменные источники, Абдуллах-Хаджи (ГЯбдуллагь-ХІяжи) из Урахи был не только почтенным человеком, пользующимся большим авторитетом, уважением и любовью у своих современников-соотечественников, но он обладал огромным природным даром мудрого мыслителя, вложившим в дагестанскую письменную литературу большой вклад, был общепризнанным талантливым поэтом и просветителем. Несмотря на это, исследователи истории духовной культуры и литературы Дагестана по общеизвестным причинам, характерным для 20–80-х годов нашего столетия, очень мало внимания уделяли изучению и научному освещению творческого наследия этого очень одаренного и плодотворного поэта и мудрого мыслителя.

Неисторический и, следовательно, ненаучный подход к освещению вопросов истории духовной культуры привел ряд исследователей к фальсификации творческой деятельности Абдуллаха-Хаджи из Урахи и других деятелей духовной культуры Дагестана, к недооценке их богатого и очень оригинального творческого наследия (*Амирхан ГИсаев, 2000. Газета «Замана»*).

При освещении жизненного пути и творческой деятельности дореволюционных поэтов и ученых, оценивая их творческое наследие, мы обязаны, кроме прочего, внимательно относиться к мнению их современников, непосредственно знавших их и хорошо знакомых с их произведениями. Поэтому обратимся к произведениям дагестанских дореволюционных поэтов и ученых, посвященных жизни и творческой деятельности Абдуллаха-Хаджи. Они написаны на даргинском и арабском языках и опубликованы в сборнике произведений Абдуллаха-Хаджи.

В 1913 г. в Темир-Хан-Шуре в типографии М.-М. Мавраева был издан, написанный способом арабографического письма (аджама) на урахинском диалекте даргинского языка, сборник произведений Абдуллаха-Хаджи под названием

«Таргиб ас-саликин ила матлаб Рабби-л-аламин» («Возбуждение желания, идущих к требованиям Господина миров») объемом в 150 страниц и тиражом в 2500 экземпляров. Этот сборник переписан каллиграфическим почерком и художественно подготовлен к литографскому изданию талантливым катибом Дагестана Давудом-Хаджи, сыном Магомеда, сыном Мустапи, сыном Умара из с. Урари (ныне Дахадаевский район). Он был издан на средства переписчика и Магомеда-Хаджи, сына Шамхал-Хаджи из Урари.

В конце сборника (*Абдуллах-Хаджи*, 1913. С. 134–135) опубликована, написанная на даргинском языке Арсланом-Али из с. Гамри (ныне Сергокалинский район) элегия, посвященная умершему в 1912 г. Абдуллаху-Хаджи из Урахи и его творчеству. В этой элегии есть такие стихотворные строки:

«Нежданной смертью унес от нас Всевышний
Мудреца, ободряющего мусульман Дагестана.
Его любили каждый мусульманин и мусульманка.
Переместился в мир иной муршид Абдуллах-Хаджи.
Каждое его слово оставляло след в сердцах людей
И заставляло плакать братьев мусульман.
О, какое горе настигло его поклонников!
Переместился в мир иной муршид Абдуллах-Хаджи.
Его любили и почитали даже ученые-устазы,
Им бывало скучно в маджлисах, где он отсутствовал,
А когда он с ними, он веселил и радовал их.
Как райская птица, красиво говоря и беседуя,
Заставлял слезиться глаза у собеседников.
Не хотелось бы жить, когда тебя нет в живых...
Быть может, люди говорят: «Умер Абдуллах-Хаджи».
Клянусь Богом, не умрет до наступления дня воскресения».

(Здесь и далее подстрочные переводы сделаны автором).

На 2-ой и 3-ей страницах сборника опубликованы, написанные на арабском языке талантливым поэтом из с. Куппа (ныне Левашинский район) Зияудином-Кадием (*Абакарова Ф.*, 1963. С. 11–118) в рифмованной прозе, рецензия на этот сборник, а также элегия, посвященная жизни и творчеству Абдуллаха-Хаджи из Урахи (*Абдуллах-Хаджи*, 1913. С. 2–3). Тексты этих произведений с арабского на русский язык по просьбе автора переведены А.Р.Шихсаидовым и Х.А.Омаровым.

В рецензии Зияудина-Кадия отмечается, что вошедшие в этот сборник произведения Абдуллаха-Хаджи написаны на основе сведений, почерпнутых автором из пословиц, поговорок, рассказов и других произведений дагестанской духовной культуры, а также из священного Корана, хадисов пророка Мухаммада и других избранных произведений восточной арабоязычной литературы. Восхищаясь поэтическим талантом Абдуллаха-Хаджи, Зияудин-Кади в своей рецензии пишет: «Как они прелестны! Как они возвышенны, божественны и тонки!» Говоря о сборнике в целом, Зияудин-Кади отметил, что эта книга «является блеском своего времени, уникалом своей эпохи, мудрым собеседником и наставником одинокому, ласковым и внимательным другом читателю и щедрым духовным кладом, перед которым поклоняются и стар и млад».

В опубликованной на 3-й странице сборника элегии Зияудин-Кади вместе с другими дагестанцами скорбит по поводу постигших их беды и горя – кончиной «выдающегося мыслителя», «талантливого поэта и мудрого наставника» Абдул-

лаха-Хаджи из Урахи. Зияудин-Кади сопоставляет его с морем, полным жемчуга; солнцем, согревающим весь мир; дождем, поливающим сохнувшие растения; отмечает, что язык его «сладкий и целебный, как у Лукмана ал-Хакима», а голос его приятный и всегда ободряющий его собеседников. Он был нужен каждому, как «дождь в знойную погоду для растений», и смерть его стала ничем невозполнимой утратой и большой бедой для его друзей и знакомых, а потому, узнав о его кончине, «из глаз многих его знакомых невольно потекло много слез».

Следует также отметить, что на внешнем поле 149-й страницы сборника мелким почерком на арабском языке написано, что работавший переписчиком в типографии М.-М. Мавраева Хаджи-Али – второй из с. Акуша тоже написал элгию, посвященную жизни и творчеству Абдуллаха-Хаджи, но из-за ограниченности объема сборника она не была опубликована в нем.

Из отмеченных старописьменных источников четко выясняется, каким большим уважением и авторитетом пользовался Абдуллах-Хаджи среди своих земляков-современников и как они высоко ценили его произведения.

Как правоверный мусульманин, последовательно и старательно исполняющий требования вероучений ислама и шариата, Абдуллах-Хаджи совершил хадж к мусульманским святыням в Мекку, и после этого паломничества к его имени было добавлено почетное имя Хаджи-Абдуллах-Хаджи. В своих же произведениях он называл себя Абдуллахом, и ни разу – Абдуллахом-Хаджи.

Будучи правоверным мусульманином, Абдуллах-Хаджи не только сам аккуратно исполнял обязанности мусульманина, но и большое внимание уделял толкованию и пропаганде основных положений вероучения ислама и канонов шариата среди своих соотечественников. Проведение такой просветительской работы он считал своей обязанностью, и она была обусловлена общественно-политической и духовной жизнью и потребностями населения Дагестана того периода.

На протяжении более десяти столетий ислам как целостная система вероучений, морали, права, философии выступал в Дагестане господствующей формой идеологии и поэтому он оказал огромное влияние на весь уклад общественной, семейно-бытовой, духовной жизни и деятельности горцев. Многие традиционные мусульманские ритуальные обряды и нравственные предписания воспринимались многими горцами как национальное достояние и ценности. Более того, в их сознании религиозное и национальное были сплетены как единое целое.

По этому поводу известный просветитель Магомед Казанбиев из Хамама-тюрта в своей, изданной на кумыкском языке в типографии М.-М. Мавраева в 1913 г. книге «Нюрлю таварих» («Светлая история»), писал: «Пусть они будут приверженцами любого мазхаба, носителями любого языка, жителями любой страны – все это не имеет значения, все они – мусульмане и являются братьями, и, следовательно, все они принадлежат одной нации» (*Магомед Казанбиев*, 1913. С. 2–3).

Стремление к изучению вопросов вероучений ислама и канонов шариата у населения Дагестана возросло после подавления царской армией развернувшегося в середине XIX в. на Северо-Восточном Кавказе народно-освободительного движения горцев под руководством трех имамов: Гази-Магомеда, Гамзатбека и Шамиля, а также после жесточайшего подавления восстания в Дагестане и Чечне в 1877 г. После этого резко усилилась разносторонняя деятельность царской администрации по практической реализации реакционной, национал-шовинистической программы по насильственной русификации населения Дагестана.

Свободолюбивые горцы Дагестана, оказавшиеся в таком тяжелом положении, рассматривали вопросы вероучений ислама и шариата не только как священный долг аккуратного и добросовестного исполнения своих религиозных обязанностей перед Аллахом, но и как составную и неотъемлемую часть героической борьбы за сохранение и упрочение своей национальной свободы и независимости.

Таким образом вопросы религии и шариата очень тесно сплелись в национальном самосознании населения Дагестана. Они оказали большое влияние на развитие его культуры, быта, традиций, и, в целом, – на весь уклад его общественно-политической, духовной, морально-этической и семейно-бытовой жизни и деятельности. Поэтому вполне естественно, что национально-освободительную борьбу населения Дагестана нередко возглавляли представители мусульманского духовенства, и они же играли ведущую роль во многих сферах жизни, быта и деятельности горцев.

Понимая роль и значение вероучений ислама и канонов шариата в жизни и деятельности своих соотечественников, отражая духовные и другие потребности горцев в условиях усиления разносторонней деятельности царской администрации по насильственной русификации народов Дагестана, многие деятели духовной культуры Дагестана не только считали своим священным долгом и обязанностью устно и письменно комментировать и пропагандировать среди населения вопросы вероучений ислама и шариата, но и писали и издавали на арабском и местных языках, как в типолитографиях Дагестана, так и за его пределами, довольно значительное количество произведений. К числу таких активных деятелей духовной культуры относится и талантливый поэт и популярный муршид Абдуллах-Хаджи из Урахи.

Исходя из потребностей общественно-политической, духовной, семейно-бытовой, морально-этической жизни и деятельности своих соотечественников; опираясь на свой природный поэтический дар, глубокие знания и идейные позиции; творчески используя богатство духовной культуры населения Дагестана и тонкости своего родного урахинского диалекта даргинского языка; руководствуясь положениями священного Корана и хадисами пророка Мухаммада; активно привлекая произведения крупнейшего мусульманского теолога, философа и суфиста ал-Газали и других восточных авторов, Абдуллах-Хаджи из Урахи в своих многочисленных произведениях предельно ясно и четко сказал о таких извечно волнующих проблемах, как он выразился, «детей Адама» («бани Адам»). По своему содержанию они являются не только общемусульманскими, но и вечными и общечеловеческими: жизнь и смерть, земная и загробная жизнь, рай и ад, день воскресения покойных (йавму-л-кийама) и т.д. В его произведениях подняты многие вопросы вероучений ислама и шариата, затронуты проблемы морально-этической и семейно-бытовой жизни мусульман, а также тема об Аллахе и пророке Мухаммаде, о выдающихся исторических личностях и деятелях духовной культуры.

По мнению поэта, «дунья» (посюсторонняя жизнь) привлекательна и любима многими «детьми Адама», но она очень обманчива, коварна и жестока, она является «адам» и «ядом» для каждого, и «врагом Аллаха». Обращаясь к понятию «пана» (тленный) дунья, поэт спрашивает:

«У скольких людей ты помрачила светлые помыслы,
У скольких лицемеров ты отняла веру,
У скольких порочных (фасик) изменила состояние духа,

У скольких муьминов ты затемнила свет,
У скольких рабов божьих ты осквернила богослужение,
А сколько всемогущих ханов и султанов ты растоптала,
А сколько честных людей ты напоила ядом?
Не оставила ты ни пророков, ни святых,
Не пощадила ты ни малолетних, ни стариков...»
(*Абдуллах-Хаджи*, 1913. С. 20–21).

В произведениях Абдуллаха-Хаджи сказано, что кратковременна, «трехдневна» жизнь человека в этом «тленном» и «переходном» (фанийат) мире. Все живое на Земле смертно, один Бог вечен. Бог породил человека не для «тленного» и «переходного» мира, не для роскошной и разгульной жизни и не с целью накопления богатства, а для того, чтобы он последовательно служил Аллаху (*Абдуллах-Хаджи*, 1913. С. 113). Но Бог дает возможность людям оставаться свободными, поступать так, как они хотят, и делать то, что им хочется. Однако, отмечает поэт, от их поступков и помыслов в этом «переходном мире» зависит их «вечная жизнь» в потустороннем мире. Поэт сравнивает кратковременную жизнь на Земле с пахотным полем, урожай для загробной жизни с которого зависит от старания и поступков человека. Жизнь в этом «переходном мире» мыслитель уподобляет базару, где каждый человек в соответствии со своими поступками заранее покупает для себя рай или ад для потусторонней вечной жизни (*Абдуллах-Хаджи*, 1913. С. 21, 84).

Будучи убежденным и последовательным человеколюбом и гуманистом, Абдуллах-Хаджи большое внимание уделял проблемам морально-этического совершенствования и духовного обогащения людей. В его произведениях осуждаются такие черты характера людей как гордость, высокомерие, лицемерие, двуличие, нескромность, лживость, кичливость и т.д. Он писал, что у тех людей, которые живут на чувствах сердца и по настроению, «сердце является повелителем для тела, а суставы – его рабами, а рабы делают то, что хочет их повелитель» (*Абдуллах-Хаджи*, 1913. С. 113).

Осуждая аморальные черты характера людей, поэт призывал их к умеренности, терпению, честности, доброжелательности, милосердию, порядочности, скромности. В его произведениях мы читаем такие глубокие и емкие мысли: «в переполненном желудке нет места для света (нур)», «увлечение сном пагубно для души», «терпение (сабур) – ключ ко всему лучшему», «если хочешь удачи – стерпи и голод», «трудности и невзгоды преодолевай с терпением и достоинством» (*Абдуллах-Хаджи*, 1913, С. 111–115) и т.д.

Призывая людей отказаться от плохих черт характера и аморальных поступков, и рассказывая об их последствиях, поэт писал:

«Бедный инсан, оставь ты запретное (хАрам):
Незаметно оно превратит тебя в ядовитого скорпиона.
Давай, абдал, не пей гной,
Он сделает тебя жителем ада»
(*Абдуллах-Хаджи*, 1913. С. 65).

О вопросах морально-этической жизни Абдуллах-Хаджи пишет не отвлеченно. В своих произведениях он серьезно беспокоится и с душевной болью и горечью сетует на то, что у его современников-соотечественников ослабевают и разрушаются устои морально-этической и духовной жизни. Причины такого ослабления он видит в том, что в процессе реализации программы царского правительства по насильственной русификации мусульманского населения Дагестана по-

степенно подкашивались живительные корни шариата и духовной жизни горцев. Говоря о состоянии морально-этической и духовной жизни своих современников-соотечественников, Абдуллах-Хаджи с горечью и душевной болью писал:

«Охо-хой, братья сердечные, какая беда грянула –
Ликвидировали же насовсем шариат,
Совершенно расстроился порядок народа,
Не приближается ли день страшного суда?
Дунья стала целью каждого,
Порочность стала любимой каждым.
Учеными являются знающие арабский язык,
Но бессильные в научной работе,
Глазами видящие, но сердцем спящие.
У молодежи тела парят в воздухе,
А в сердцах же гуляют шайтаны
И беспечно проводят жизнь в постели.
В простонародье большое упадничество,
Не отличают дозволенного от недозволенного...
Ох, как мало сознания у этих несчастных.
Не думают же они о дне страшного суда»
(Абдуллах-Хаджи, 1913. С. 45–46).

Абдуллах-Хаджи являлся не только последовательным правоверным мусульманином, но и убежденным наставником и просветителем (муршид). Он считал своим священным долгом и обязанностью разъяснять и пропагандировать вопросы вероучений ислама и канонов шариата среди населения, особенно среди тех, кто слаб в нравственно-этическом и духовном отношениях (маловерных). По этому поводу он, обращаясь к себе, писал: «Абдуллах, почему ты украшаешь внешность (загъир) людей, но оставляешь их духовной мир (внутренность – батин) в запущенном состоянии»? (Абдуллах-Хаджи, 1913. С. 27).

Говоря о необходимости просвещения братьев по вере, поэт обращал внимание не только на то, что какие духовные и морально-этические ценности и мировоззрения нужно пропагандировать и разъяснять, но и на то, каким должен быть наставник (муршид), а также на то, каким образом повысить эффективность этой просветительской работы. Этой проблеме посвящено его целое произведение (Абдуллах-Хаджи, 1913. С. 32–33). В этом произведении есть такие, насыщенные глубоким смыслом, строки:

«Эй, дающий наставления!
Достоин ли ты быть наставником?
Прежде чем дать наставления другим
Дал ли ты сам себе проповедь?
Знаешь ли ты в каких условиях
Наставление результативно?
Бог сказал: «Стесняйся говорить
То, что ты сам не делаешь...»
(Абдуллах-Хаджи, 1913. С. 32–33).

Муршид Абдуллах-Хаджи, обращаясь к наставнику, далее писал:
«Сперва дай проповедь твоему телу,
Если оно примет ее,
Потом скажи ее другим.

Даст ли поле хороший урожай,
Если посеять плохие семена?
Светом, отсутствующим для себя,
Как можно осветить путь другим?
Дорогой, сам заблудившей,
Как можно направить других?
Если испортился чабан,
Как можно содержать стадо овец?
Бесполезно наставлять других,
Если сам являешься слепым...»

(*Абдуллах-Хаджи*, 1913. С. 33).

Здесь же поэт отмечает, что «знающий арабский язык, это еще не ученый и не мыслитель», и, в то же время, «несчастлив тот, кто недооценивает силу науки».

Таким образом, по справедливому мнению Абдуллаха-Хаджи, просветительская деятельность даст хорошие плоды только в том случае, если сам просветитель-наставник духовно и этически компетентен и достоин для этой трудной, но благородной работы. Однако для проведения просветительской деятельности кроме компетентности и морально-этической добропорядочности, по мнению Абдуллаха-Хаджи, в сердце наставника-просветителя должны быть искреннее желание, глубоко осознанное убеждение в необходимости распространения знаний среди народа (уммат) и доброжелательное стремление к духовному обогащению и морально-этическому совершенствованию его.

С характерным для него большим поэтическим мастерством и нескрываемой любовью написан поэтом цикл его произведений, посвященных жизни и деятельности Магомед-Хаджи из Дейбука, Зубайру-Хаджи из Кичи-Гамри, Хизри-Хаджи из Мугри, шейхов Али-Хаджи из Акуша, Ильяса из Цудахара, Муссы из Кудутля и других дагестанских дореволюционных поэтов, ученых и деятелей духовной культуры, пользовавшихся почетом и популярностью среди своих соотечественников, но неизвестных для многих наших современников. О каждом из них Абдуллах-Хаджи в поэтической форме дает правдивую характеристику и раскрывает его роль в духовной и общественной жизни горцев.

Так о Зубайру-Хаджи из Кичи-Гамри поэт писал: «До наступления времени, когда его не будет в живых, пусть Аллах заберет меня в дом вечности» (*Абдуллах-Хаджи*, 1913. С. 94).

Его произведение о шейхе Ильясе из Цудахара начинается так:

«В горах Дагестана появился яркий свет (нур),
Он осветил Дагестан, Бухару, Казань, Крым,
Заполнил Турцию, Мекку и Медину...
В науке он – глубокий океан,
Талантливый ученый по мусульманскому праву...»

(*Абдуллах-Хаджи*, 1913. С. 91, 96).

Поэт признается в том, что «не в состоянии определить силу и мощь» шейха Али-Хаджи из Акуша (*Абдуллах-Хаджи*, 1913. С. 91).

В произведениях, посвященных деятелям духовной культуры, содержатся очень интересные сведения об истории общественно-политической и духовной жизни населения Дагестана. Так, например, шейх Ильяс из Цудахара после подавления восстания в Дагестане и Чечне в 1877 г. вместе с другими был сослан на каторгу в Сибирь и там умер. Говоря об этом, Абдуллах-Хаджи справедливо пи-

шет: «шейх Ильяс перевелся в тот мир в изгнании, вдали от Родины, и похоронен в вечный дом в селении Параул» (*Абдуллах-Хаджи*, 1913. С. 96).

С особой теплотой Абдуллах-Хаджи писал о своей дорогой родине – «дару Дагестан». Патриотические чувства и мотивы поэта наиболее полно и четко отразились в его, написанном перед отправкой в хадж к мусульманским святыням, замечательном поэтическом произведении «НахIа ахIли хьальин дару Дагъистан» («Пока прощай, будь счастлива, Родина Дагестан») (*Абдуллах-Хаджи*, 1913. С. 89–90). По справедливому признанию литературоведа Ф.О. Абакаровой и других (*Абакарова Ф.*, 1963, С. 109–110), в этом произведении «впервые в истории даргинской литературы широко и многопланово поставлена тема Родины». Обращаясь к «дару Дагестан», поэт с гордостью и восхищением говорит, что «в тебе воплотились» и «тебе присущи» мужество и храбрость, честь и совесть, достоинство и добропорядочность, лучшие традиции и обычаи и другие святы для горцев морально-этические нормы и ценности.

В связи с этим отмечу, что многие дагестанцы наизусть знают содержащиеся в замечательной комедии в стихах А.С. Грибоедова «Горе от ума» глубокомысленные слова: «И дым отечества нам сладок и приятен». Но много ли дагестанцев знают наизусть, по своему содержанию и целенаправленности несколько не уступающие словам А.С. Грибоедова, переполненные горячей любовью к Родине, замечательные слова Абдуллаха-Хаджи. Свою, посвященную Родине – Дагестану песню «Прощай, будь счастлива, Родина-Дагестан» («НахIа ахIли хьальин дару Дагъистан»), Абдуллах-Хаджи начинает такими переполненными любовью к Родине-Дагестану стихотворными строками:

«Любовь к Родине является половина имана,
Каждому своя Родина является раем...»
«ВатIан бигнира има байхъу саби,
Гъар вагIла мусса вагIлис жаннат саби...»
(*Абдуллах-Хаджи*, 1913. С. 89).

Говоря о своих душевных переживаниях перед поездкой к мусульманским святыням, поэт–правоверный муъмин говорит о том, что «очень трудно и тяжело хоть на краткое время расстаться» с дорогой для него Родиной, но «хадж и зиярат тоже священные», поэтому отправляется в дальний путь «со слезами на глазах».

Историческая практика показывает, что подлинный патриотизм неотделим от интернационализма. Эти два вида человеческих чувств и мировоззрений тесно связаны между собой и взаимно дополняют и обогащают друг друга. В творческом наследии Абдуллаха-Хаджи нашли свое яркое отражение удачные сочетания его патриотических и интернациональных чувств и взглядов. В его произведениях поставлены и освещены проблемы, стоящие не только перед населением Дагестана, но и общемусульманского, даже общечеловеческого звучания. Он создавал произведения, посвященные жизни и деятельности деятелей духовной культуры, принадлежащих не только к даргинской народности, но и к другим народам Дагестана и восточных стран. При этом он писал свои произведения на даргинском, кумыкском и арабском языках.

Язык произведений Абдуллаха-Хаджи внимательно отобран, умело обработан и очень эмоционален. В целях создания зримости, слышимости и осязаемости своих глубоких мыслей и взглядов, поэт творчески использовал все тонкости своего родного урахинского диалекта даргинского языка, а также разнообразные

изобразительно-выразительные средства, почерпнутые им как из произведений дагестанского фольклора, так и из народной мудрости в целом.

Для достижения максимальной ритмичности, певучести и музыкальности своих произведений поэт обращался не только к урахинскому, но и другим диалектам даргинского языка. При этом Абдуллах-Хаджи в совершенстве владел также тонкостями арабского и кумыкского языков и создал на этих языках поэтические и прозаические произведения, вошедшие в сборник его произведений. В целях достижения точности размера, четкости и певучести рифмы, а также для правильной передачи понятий и своих взглядов по вероучению ислама и канонам шариата Абдуллах-Хаджи, как и многие другие деятели духовной культуры дореволюционного Дагестана, широко использовал традиционные для арабо-язычной духовной литературы слова, понятия и термины арабского языка. Однако чрезмерное употребление арабизмов создает для людей, незнающих арабский язык, определенные трудности для правильного понимания содержания ряда произведений Абдуллаха-Хаджи.

Абдуллах-Хаджи выступает новатором в стихосложении в даргинской литературе. У него есть несколько поэтических произведений, написанных на даргинском и арабском языках под названием «Касидату-л-алифбати». Стихотворная речь в этих произведениях отобрана так умело, что первые звуки начальных слов каждого стиха звучат в алфавитном порядке и последовательности арабского алфавита:

«А. Аллагь, хІузи дила шикаят,
Б. Бякъис бакІибго намра гІибадат,
Т. Тавба дякъис хІалтарав азат,
С. Сикъура гІязаб иркІили, Аллагь?
Ж. Жагодиш бикъули загъирлизиб,
ХІ. ХІалават агули батІиннизиб,
Х. Хараб били дин либкъалли дизиб,
Д. Дила мурад – хІу вагъни, Аллагь...»
(Абдуллах-Хаджи, 1913. С.40).

Новаторство и художественное мастерство Абдуллаха-Хаджи проявились также и в сплетении художественной ткани его произведений. Следуя традициям восточной поэтики, все произведения поэта написаны двумя или тремя горизонтальными колонками стихов:

«ДагъистІа дубуртазибад
Ца агІла-нур дакІу биуб
ДагъистІан, Бухари, Къазан,
Къырымра шала дякъиб
ГІусмаллу виллайат, Мака,
Мадинара дицІихъиб
Нукълуйгъиб дуньялизивад
Ильяс устад мубарак...»
(Абдуллах-Хаджи, 1913. С.95).

Абдуллах-Хаджи был не только талантливым поэтом и убежденным просветителем, но и очень требовательным к себе и к своему творчеству автором, а также очень скромным, честным, справедливым, добропорядочным, готовым в любое время помочь нуждающемуся человеком. Об этом, кроме прочего, свидетельствуют сведения, имеющиеся в его произведениях. В конце почти всех своих про-

изведений поэт упоминает о себе. Здесь, как и многие деятели духовной культуры дореволюционного Дагестана, Абдуллах-Хаджи к своему имени добавляет эпитеты, в которых нет никаких признаков гордости, кичливости и т.п., а наоборот, содержится некий оттенок принижения самого себя, своей личности. Это такие слова, как «мискин» (бедный), «пакьир» (жалкий), «бунагькар» (грешный), «абдал» (неумный) и др.

О требовательности к себе свидетельствуют следующие строки из произведения Абдуллаха-Хаджи:

«Абдуллах, даешь наставления другим,
Но сказанное сам не можешь делать.
Абдуллах, почему украшаешь внешность,
Но почему оставляешь людей с запущенной душой...» и т.д.
(*Абдуллах-Хаджи*, 1913. С. 33)

Характеризуя Абдуллаха-Хаджи как мудрого мыслителя, пользующегося большим авторитетом среди ученых, и как простодушного пожилого человека, Арслан-Али в своей элегии писал о нем так:

«Даже крупные ученые удивлялись его эрудиции.
Хотя он являлся пожилым человеком,
Был он похож на малолетнего ребенка»
(*Абдуллах-Хаджи*, 1913. С.135).

Выражая свои чувства и пожелания, Арслан-Али в конце элегии писал: «Дай Бог, чтобы все матери рожали только таких детей», каким являлся Абдуллах-Хаджи из Урахи.

Следует отметить и то, что в сборнике «Таргиб ас-саликин ила матлаби Рабби-л-аламин», наряду с произведениями Абдуллаха-Хаджи, опубликовано несколько произведений даргинских дореволюционных поэтов. К числу таковых относятся, написанные на даргинском языке три произведения Мухаммада-Хаджи из с. Дейбук (ныне Дахадаевский район), по одному произведению Балида из с. Бутри (ныне Акушинский район) и Арслана-Али из с. Гамри (ныне Сергокалинский район), а также созданные на арабском языке два произведения Зияудина-Кадия из с. Куппа (ныне Левашинский район). Таким образом, данный сборник является своего рода антологией даргинской духовной поэзии.

Исходя из большого спроса читателей на данный сборник песен Абдуллаха-Хаджи, я транслитерировал его текст с арабографического письма на современный алфавит даргинского языка и в 2002 и 2010 гг. переиздал его.

БИБЛИОГРАФИЯ

Абакарова Ф., 1963. Очерки даргинской дореволюционной литературы. Махачкала.

Абдуллах-Хаджи, 1913. Таргиб ас-саликин ила матлаб Рабби-л-аламин. Темир-Хан-Шура.

Амирхан Писаев. Хьулчи агарти пикруми // Газета «Замана» 28 июля и 4 августа 2000 г.

Магомед Казанбиев, 1913. Нюрлю таварих. Темир-Хан-Шура.